

О ЧЕМ ПОВЕСТВУЮТ РАССЕКРЕЧЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ*

В статье анализируются рассекреченные документы Государственного архива Иркутской области. Опубликованные материалы позволяют глубже исследовать сложную, разноплановую деятельность местных органов государственной власти периода Великой Отечественной войны по решению социальных проблем, выполнению оборонных заказов, организации работы эвакогоспиталей, противоэпидемических мероприятий.

Ключевые слова: документы, война, условия жизни, социальные проблемы.

A. V. SHALAK

ABOUT WHAT DECLASSIFIED FILES NARRATE

The article is analyzing declassified documents of the State Archive of the Irkutsk oblast. These files allow to study, deeper complex and diverse local government authorities activities during the Great Patriotic War like managing social problems, implementation of defence order, organization of clearing hospitals and epidemiology.

Keywords: documents, war, living conditions, social problems.

* Рец. на: Великая Отечественная война по материалам Государственного архива Иркутской области : сб. документов. — Иркутск : Оттиск, 2015. — 320 с.

Вышедший из печати сборник документов периода Великой Отечественной войны далеко не первый, рассказывающий об участии жителей Иркутской области в борьбе с нацистской Германией. Как правило, такие сборники выходят к юбилейным датам. Не стал исключением и данный выпуск, приуроченный к 70-летию Победы. В то же время изданный сборник документов отнюдь не является слепым повторением структуры или дублированием материалов уже опубликованных ранее. Материалы сборника разделены на две части: в первой представлены рассекреченные в 2015 г. дела фонда Р-1933 «Иркутский Совет народных депутатов и его исполнительный комитет». К сожалению, из периода военных лет выпадает 1943 г. Документы за этот год оказались утраченными. Непонятно, правда, каким образом документы с грифом «секретно», «совершенно секретно» за целый год могли бесследно исчезнуть из фондов хранения. Но это уже относится к тем «архивным тайнам», которые должны расследовать не историки.

Во второй раздел сборника включены дневники, воспоминания, фронтовые письма, автобиографии и некоторые другие документы из фондов личного происхождения участников Великой Отечественной войны. Поскольку пласт мемуарной литературы подобного рода не столь широк, публикация подобных материалов способствует расширению источниковой базы исследований по Великой Отечественной войне. Привлекает в данном сборнике и то, что оба раздела проиллюстрированы копиями документов и фотографий, хранящихся в фондах Иркутского государственного архива. Правда, не совсем понятно, какое отношение к рассекреченным делам имеют публикуемые газетные материалы военных лет.

Знакомство с рассекреченными в 2015 г. документами не открывает ничего принципиально нового в изучении проблем периода Отечественной войны. В годы войны вся информация, имевшая даже косвенное отношение к выпуску военной техники или военного снаряжения (например, производстве лыж или лыжных палок), была засекречена. Подавляющее большинство документов из этих фондов можно было опубликовать, либо допустить к ним исследователей много десятилетий назад. Центральные архивы стали открывать свои секреты еще в перестроечные годы, а в начале 1990-х гг. произошел настоящий бум с рассекречиванием самых сокровенных тайн советского периода. К сожалению, областные архивы и особенно ведомственные архивы силовых структур в регионах не спешат допускать исследователей к своим делам, либо открывают их слишком поздно, когда аналогичная информация уже интерпретирована в многочисленных исследованиях.

В числе засекреченных, например, оказались дела о заготовке дров для «секретных потребителей». Среди них такие организации как «Спецторг», «Гушосдор» (государственное управление шоссейными до-

рогами), НКВД, ряд военных заводов. Но если такие документы, как решение облисполкома «О производстве новых и ремонте старых лыж для Красной армии на деревоперерабатывающем заводе Иргорстройтреста» (октябрь 1941 г.) хоть косвенно в то время имели отношение к оборонному производству, то совсем непонятно, по каким причинам оказался засекречены документы о подготовке к переписи населения в Слюдянском районе в 1939 г., «О проведении Всесоюзной переписи скота на 1 января 1940 г.», решения облисполкома об организации прополочных работ в колхозах области, о мобилизации неработающего трудоспособного населения для работы на строительстве железных дорог, о подготовке государственных трудовых резервов в школах фабрично-заводского обучения за отдельные годы и др. Подавляющее большинство подобных решений принимались на основе постановлений центральных органов власти, которые еще в далекие советские годы были опубликованы в открытой печати, да и в годы войны они, как правило, дублировались центральными газетами. Аналогичные документы были доступны исследователям в Государственном архиве новейшей истории Иркутской области.

Кроме военных тайн, не подлежали огласке документы, которые могли каким-либо образом скомпрометировать советский строй. Как правило, это решения органов власти, влияющие на условия жизни местного населения, документы, в которых нашли отражение протестные настроения советских людей, а также различного рода злоупотребления со стороны «руководящих кадров». Публикация подобных документов несомненно расширяет источниковую базу по изучению условий жизни местного населения. Причем интересно отметить, что подобные документы гораздо легче найти в бывшем региональном партийном архиве, чем в фондах государственного архива Иркутской области. Но это уже выводы из личного опыта.

В этом смысле нет ничего удивительного, что с грифом «секретно» оказалось постановление облисполкома и бюро обкома партии от 16 октября 1942 г. «Об экономном расходовании хлеба» (с. 117–120). Это постановление было продиктовано необходимостью дополнительно сдать 200 т зерна государству из урожая 1942 г. В целях выполнения данного решения совхозам запрещалось создавать все фонды зерна, кроме семенного. Все предприятия, имеющие посевы в подсобных хозяйствах также были обязаны сдать полученный урожай государству, за исключением семенных фондов. Взамен им обещали выделить на корма зерноотходы, отруби по действующим эквивалентам замены. Одновременно это постановление вносило коррективы и в карточные нормы снабжения населения. С октября 1942 г. в области ликвидировалась карточная продажа хлеба по повышенным ценам, за исключением ресторанов. Кроме того, с этого же времени по май 1943 г. вместо круп и макарон по карточкам население получало картофель (вместо 1 кг круп 5 кг картофеля).

При необходимости «по желанию потребителей» вместо печенного хлеба в пунктах общественного питания мог выдаваться также картофель (вместо 100 гр. хлеба — 400 гр. картофеля). В сельской местности хлеб разрешалось выпускать с добавками картофеля от 5 до 10 %, при этом нормы выдачи хлеба в сельской местности ограничивались 400 гр.

Продовольственная проблема в области продолжала ухудшаться в течение всей войны, а первый послевоенный год оказался самым голодным. Связано это было прежде всего с катастрофическим положением дел в сельском хозяйстве области. В соседних регионах, да и в целом по стране ситуация была не менее плачевной. 27 октября 1946 г. вышло постановление СМ СССР и ЦК ВКП(б) 1946 г. «Об экономии расходования хлеба». Местные органы власти отреагировали на него своеобразно, приняв решение сократить расход хлеба по пайковому снабжению населения области на 216 т, или на 27,7 % (с. 204). В связи с этой мерой на 70 % были уменьшены фонды хлеба, выделяемого для снабжения населения, проживающего в сельской местности, в городах и рабочих поселках с пайкового довольствия снимались неработающие взрослые иждивенцы, а остальным иждивенцам нормы выдачи хлеба снижались с 300 гр. до 250, а детям с 400 до 300 гр. Отпуск крупы по карточкам заменялся картофелем. Отменялись и многие стимулирующие меры в плане снабжения продовольственными товарами (с. 203–205). Подобные решения, принимаемые региональными органами власти, укладывались в общую послевоенную политику, направленную на свертывание карточного снабжения населения, проведение денежной реформы и введение свободной торговли продуктов и товаров в розничной сети, что и будет осуществлено в конце 1947 г.

К числу редких документов можно отнести ряд постановлений областного исполнительного комитета о противопожарной обстановке в городе. Противопожарная служба в те годы действовала в рамках НКВД и все документы о ее деятельности проходили под грифом «Сов. секретно», поэтому в свободном доступе эти документы исследователям были не доступны. В докладе начальника областной противопожарной службы от 15 июня 1942 г. приводятся сведения о численности личного состава службы, укомплектованности пожарных команд, пожарах и убытках по г. Иркутску за 1941 г. и первую половину 1942 г. В частности, в документе отмечается, что по итогам 1941 г. в г. Иркутске произошло 94 пожара, а только за первую половину 1942 г. — 102. По области за 1941 г. и пять месяцев 1942 г. сгорело 4 школы и еще 12 были серьезно повреждены. Интересная информация содержится и о лесных пожарах в нашем регионе, которые в настоящее время являются настоящей бедой для области. Количество пожаров и их объемы несопоставимы малы по сравнению с современными, а меры воздействия гораздо более суровы: только за 5 месяцев 1942 г. было привлечено к уголовной ответственности

сти за них 102 человек, осуждено на разные сроки 30 человек, оштрафовано 612 человек, привлечено к принудительным работам 22 человека и т.д. Более того объявлено, что на местах создаются «ТРОЙКИ» (так в тексте документа) для борьбы с лесными пожарами (с. 79–84).

Опубликованные в сборнике документы позволяют дополнить тему условий жизни населения в годы войны новыми подробностями. Значительное количество документов предвоенного периода посвящено решению проблемы прокладки объездных транспортных коммуникаций вокруг завода им. Куйбышева. Завод накануне войны реконструировался, его цеха готовились к производству боеприпасов и ремонту танков. С 1939 г. завод должен был полностью перейти на выпуск изделий оборонного характера. Расширялась сеть узкоколейной железной дороги внутри завода до 8-ми рельсовых путей. В то же время основная городская транспортная артерия, связывающая город с предместьем Марата, а также коммуникациями, ведущими на север области (Якутский тракт), пролегали непосредственно через заводскую территорию. В связи с засекречиванием производимой продукции транспортные артерии требовалось вести вокруг завода, что удлиняло путь для горожан, примерно, на два — два с половиной километра. Это вызывало немало неудобств как для функционирования завода (затор на транспортных внутризаводских путях), так и для различных служб города. В частности, разбитые объездные пути, примерно, в три раза увеличивали время нахождения в пути пожарных машин до самых отдаленных точек Маратовского Предместья. Как свидетельствуют опубликованные документы, по этой проблеме на президиуме Иркутского областного исполнительного комитета шла острая полемика, которая в итоге закончилась принятием решения о строительстве двух мостов с западной и восточной части завода и прокладки таким образом новых транспортных коммуникаций. С восточной стороны завода был построен железобетонный мост через реку Ушакровка, а с западной части была проложена дорога по набережной вдоль Ангары и выстроен деревянный мост (с. 9–13, 16–17, 32–33).

С предвоенной историей завода им. Куйбышева связана еще одна проблема, о которой повествуют документы сборника. Первоначально под артиллерийский полигон ему были отведены земли на 11-м километре по Якутскому тракту протяженностью 20 километров с запада на восток. Эти земли были выделены под полигон в 1935 г. Однако стрельбы на этом полигоне оказались чрезвычайно опасными для жителей прилегающих к полигону колхозов, нарушался и ритм сельскохозяйственных работ, поскольку во время стрельб колхозники были вынуждены прекращать работу. Снаряды нередко падали в местах ведения работ. В ноябре 1938 г. облисполком пересмотрел решение об отводе земли под артиллерийский полигон, и заводу было предложено срочно подыскать другой участок (с. 14–15, 21–22). В конечном итоге, этот вопрос был ре-

шен в пользу выбора нового участка с правой стороны железной дороги Иркутск — Москва в районе Мерета (с. 28–29, 30–31).

Значительный пласт материалов посвящен организации работ эвакогоспиталей. В начальный период войны в решениях облисполкома отмечается множество проблем в их функционировании. Большинство зданий, переданных под госпитали, были явно не приспособлены к данной работе. Требовалось решить массу проблем с обеспечением их топливом, продуктами питания, организовать прачечное обслуживание, оборудовать специальные площадки для разгрузки санитарных поездов, решить множество вопросов с их финансированием и др. (с. 42–43). Все основные расходы ложились на местные бюджеты. В ноябре 1941 г. облисполком принимает специальное решение, в соответствии с которым расходы по оборудованию и организации прачечных должны были отнесены за счет неосвоенных средств местными (районными, городскими) бюджетами. В соответствии с этим документом был принят план расширения существующих прачечных и организации прачечных с ручной стиркой по городам Иркутской области (Иркутске, Нижнеудинске, Слюдянка, Зима, Тулуна, Черемхово, Тайшете, Залари, Кутулике, Куйтуне) (с. 49–51). С целью координации деятельности, связанной с эвакогоспиталями, в декабре 1941 г. при областном здравоохранении создается отдел эвакогоспиталей и утверждается его штат — шесть человек (с. 55). Как явствует из докладной записки начальника отдела эвакогоспиталей областного отдела здравоохранения, датированной 7 марта 1945 г., в области на это время размещалось 20 эвакогоспиталей, из них 15 непосредственно в г. Иркутске. Вне Иркутска госпитали размещались в Слюдянке (на 200 коек), Зима (на 200 коек), Свирске (на 250 коек), Тулуна (на 200 коек), курорт Усолье (на 600 коек). Вся штатная коечная сеть области составляла на этот период 7000 тыс. коек и еще 1400 временных (с. 175–176).

Решение о расформировании госпиталей было принято облисполкомом 20 сентября 1945 г. В данном случае местные власти выполняли постановление СНК СССР от 29 августа 1945 г. 11 госпиталей в период с 25 сентября 1945 г. по 25 октября 1945 г. ликвидировались, а их помещения передавались под прежние цели. Оставшиеся эвакогоспитали либо преобразовывались в госпитали для лечения инвалидов Великой Отечественной войны (шесть эвакогоспиталей), при этом количество больничных коек в них резко сокращалось, либо перепрофилировались для лечения японских военнопленных (эвакогоспитали в Тулуна, Зима и один из эвакогоспиталей г. Иркутска на базе 8-й школы). На базе одного из эвакогоспиталей еще до этого решения был размещен штаб Восточно-Сибирского военного округа, а на базе госпиталя 1 227 было инициировано создание института травматологии и ортопедии на 100 коек. Однако, по просьбе областных властей в связи с напряженным положением со школьными зданиями один из госпиталей для лечения инвалидов Отече-

ственной войны на базе 13-й школы Иркутска был также расформирован и здание передано в ведение областного отдела народного образования. Таким образом, к концу 1945 г. в области оставалось пять госпиталей для лечения инвалидов войны на 800 коек (с. 198–202).

Значительная часть дел, проходящих под грифом «секретно», содержит материалы о эпидемической обстановке в Иркутской области. Решения по этой проблеме регулярно в 1940-е гг. принимались партийными органами власти, и эти документы являлись доступными для историков. Опубликованные в изданном сборнике материалы не содержат практически никаких новых сведений, но позволяют сопоставить географию распространения эпидемических заболеваний. Как известно, эпидемиологическая обстановка на территории Иркутской области являлась сложной на протяжении всех 1940-х гг. В Тулунском, Боханском, Иркутском, Черемховском неоднократные случаи заболевания сыпным тифом отмечаются уже осенью 1941 г. (с. 57). А в октябре 1942 г. в постановлении областной противэпидемической комиссии отмечалось, что только в шести районах области удалось избежать заболевания сыпным тифом (в документе перечислены шесть северных районов: Казачинско-Ленский, Жигаловский, Катангский, Усть-Удинский, Нижне-Илимский, Тофаларский) (с. 124–129). Решения облисполкома, направленные на сдерживание эпидемических заболеваний содержали стандартный набор мер: выделить дезосредства, освободить бани, занятые под другие нужды и построить простейшие дезинфекционные камеры (в документах они именуются «землянками-вошебойками»), выделить мыло и известь для санитарной обработки помещений, проводить профилактическую работу в школах, детских больницах, детских учреждениях, столовых, систематически заниматься очисткой населенных пунктов и т.д. (с. 57–60, 90–92). В целом же, ситуация с эпидемическими заболеваниями оставалась напряженной в течение всей войны, а в ряде районов она приобрела предельно острый характер. В частности, в Качугском районе очаги сыпного тифа не могли ликвидировать на протяжении целого года и к середине 1945 г. эпидемия охватила практически все населенные пункты района. Новые крупные вспышки сыпного тифа по ряду районов с весны 1945 г. были связаны с пребывающими на территорию региона контингентами спецпереселенцев, военнопленных, репатриированных (с. 195–197).

Обострение социальных проблем в области в годы войны, в том числе жилищной, было вызвано не только с прибытием эвакуированного контингента рабочих и их семей. Как повествует ряд документов сборника, практически на всем протяжении войны органам власти приходилось изыскивать дополнительную жилую площадь. В сентябре 1942 г. облисполком принимает решение о размещении военно-морского училища береговой охраны и Краснознаменного учебного отряда подводного плавания им. Кирова. Военно-морское училище было размещено в г. Слюдянка

в помещениях, которое занимали штаб строительной железнодорожной бригады и 62-м строительным батальоном с семьями начсостава. На переселение и обустройство (строительство отопительной системы, водопровода, внутреннюю отделку и др.) требовалось изыскать не менее полутора миллионов рублей. Уже по окончании войны в августе 1945 г. возникли аналогичные проблемы в связи с размещением в Иркутске штаба Восточно-Сибирского военного округа. Для размещения офицеров штаба выделялись три двухэтажных каменных и один деревянный жилые дома, принадлежащие заводу им. Куйбышева с общим количеством до 100 комнат, 12 квартир в четырехэтажном жилом доме чаепрессовочной фабрики, десятиквартирный дом, принадлежащий тресту геологоразведки, здание Гортопа. Кроме этого Иркутский горисполком должен был изыскать еще 40 комнат для размещения офицеров. Такие серьезные жилищные подвиги в городе напрямую имели отношение к условиям проживания значительного количества горожан (с. 167–168).

В начале 1945 г. в Иркутскую область стали направляться большие партии спецпереселенцев для работы в золотопромышленности, угледобычи, лесной отрасли и ряде других. В связи с этим также нередко возникали серьезные трудности, связанные с их размещением. В частности, в связи с прибытием в Иркутск 500 переселенцев для работы на золотодобыче, освобождались помещения, занимаемые в городе особой строительно-монтажной частью № 32, численность которой составляла 660 человек. При этом в Свердловском районе г. Иркутска, где размещалась часть, не имелось никаких свободных помещений. Создавалась конфликтная ситуация, о которой в докладной записке на имя секретаря обкома партии А.П. Ефимова сообщал начальник ОСМЧ-32 А.Г. Никольский. В ней он ставил вопрос, на каких основаниях строительный отряд, состоящий в большинстве из раненых бойцов Красной Армии, должен быть выселен из занимаемого помещения, а на их место должны вселиться люди, которые во время Великой Отечественной войны изменили своему отечеству (с. 173–175). Очевидно, что такие непродуманные решения органов власти вносили дополнительное напряжение в жилищный вопрос.

О положении военнопленных и интернированных на территории Иркутской области обобщенная информация содержится в решении заседания облисполкома «О распределении военнопленных немцев для работы на предприятиях области» от 4 июня 1945 г. Как следует из документа, всего область должна была принять 15 тыс. военнопленных, которые должны были размещены в 14 лагерях. Заготовка леса и постройка жилых и бытовых помещений лагерей в двухмесячный срок возлагалась на военнопленных. Документ содержит информацию о распределении военнопленных немцев по предприятиям области, а также количестве и местоположении создаваемых лагерей (с. 184–186).

В целом, изданные материалы расширяют палитру опубликованных документов по истории Великой Отечественной войны. Особенно это имеет отношение к вопросам изучения условий жизни населения, социальных проблем. В данном случае рассекреченные материалы повествуют не столь о патриотической, трудовой странице истории Иркутской области в годы войны, сколь о повседневной, сложной разноплановой деятельности органов государственной власти. Эта деятельность была связана в том числе и с принятием совсем непростых решений в области решения социальных проблем, выполнения оборонных заказов, нормальным функционированием эвакогоспиталей, сдерживанием распространения на территории региона эпидемических заболеваний. Все это расширяет доступную источниковую базу по изучению предвоенного и военного прошлого региона, позволяет более всесторонне, а следовательно, и более объективно изучать социальную историю Иркутской области. Изданный сборник будет внимательно прочитан всеми, кто интересуется историей родного края.

Информация об авторе

Шалак Александр Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и международных отношений, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Shalak-av@isea.ru.

Author

Alexander V. Shalak — Doctor habil. (History), Professor, Head of the Chair of History and International relations, Baikal State University, 11 Lenin str., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: Shalak-av@isea.ru.

УДК 957.1

ББК 63.3(253.5)

А.В. ШУМИЛОВ

НОВАЯ КНИГА О РЕВНИТЕЛЯХ СТАРОЙ ВЕРЫ*

Рецензируется подготовленный авторским коллективом энциклопедический словарь «Старообрядцы (семейские) Бурятии». Анализируются представленные в нем материалы и дается оценка значимости и важности данного издания для изучения старообрядцев.

Ключевые слова: старообрядчество, раскол, семейские, выгонки, Никонианские реформы.

* Рец. на: Старообрядцы (семейские) Бурятии: энциклопедический словарь / под ред. С. П. Петрова. Члены редколлегии: Л. А. Зайцева, С. Г. Ефимов, А. В. Тиваненко, Е. А. Голубев, В. Н. Долженко, Е. Д. Федотова. — Иркутск : Отгиск, 2015. — 262 с.